

**СВЕДЕНИЯ О ЧЕТВЕРТНОЙ ПАШНЕ ПИСЦОВОЙ КНИГИ
НИЖЕГОРОДСКОГО УЕЗДА 1621/22 – 1623/24 ГГ.
В СВЕТЕ ИЗУЧЕНИЯ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В РОССИИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.²**

В статье рассматриваются возможности изучения некоторых особенностей налогообложения в России в первой трети XVII в. с помощью компьютерного анализа данных валового описания 1620-х гг. Показана правомерность использования коэффициента корреляции при изучении земельной статистики писцовых книг.

Ключевые слова: аграрная история России, история дворянства, социально-экономическая история России, математические методы в истории, история Нижегородского края.

Валовое письмо первой трети XVII века – не имеющий аналогов по широте охвата и полноте данных комплекс материалов кадастрового назначения. Однако, помимо возможностей для изучения аграрной истории, равно как и исторической демографии, географии и т.д., он отражает определенные принципы и подходы к проблеме налогообложения в этот период.

В рамках данной статьи нет смысла подробно останавливаться на более, чем столетней (со времен исследования Лаппо-Данилевского [5]) истории изучения этого вопроса со всеми ее дискуссионными положениями. В целом ясно, что подходы писцов к задачам поземельного описания были различными, что объяснялось фактическим переходом от поземельного к подворному налогообложению в форме введения «живущей» или «дворовой» четверти. Однако, хотя объект налогообложения изменился, валовое описание первой трети XVII в. сохранило поземельный характер, а писцы продолжали фиксировать

¹ Черненко Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, Вологодский государственный университет, dmitcher@mail.ru, Россия, г. Вологда; Чеченков Павел Валерьевич, кандидат исторических наук, Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, chechenkoff@yandex.ru, Россия, г. Нижний Новгород.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12–01–00206).

площадь земельных угодий каждой дачи. В общем виде проблема типологии создававшихся в условиях этой реформы писцовых книг как поземельных описаний решена в трудах Л.В. Милова [6], который предложил их классификацию именно по степени точности/искажения сведений о «четвертной пашне». Эта классификация принята в историографии и сохраняет свое практическое значение для современных исследователей. Однако даже внутри предложенных им трех типов книг есть свои особенности, которые стоит учитывать как при изучении проблем ренты и налогообложения в этот период, так и в целом для характеристики экономического положения владений служилых людей.

Главный источник в данной работе – писцовая книга Нижегородского уезда 1621/22 – 1623/24 гг.³ Как следует из текста писцовой книги, описание уезда происходило с 1621/22 по 1623/24 г., чистовик писцовой книги был утвержден в Поместном приказе в 1628 г. Размер же «живущей четверти» для Нижегородского уезда в количестве 2 крестьянских и 2 бобыльских дворов был определен в 1623–1628 гг. Писцы описывали уезд, еще не зная размера «живущей четверти», руководствуясь старыми принципами «сошного письма», заполнив итоги позднее.

Это – главная особенность и преимущество писцовой книги Дмитрия Лодыгина, однако не единственное. Со времен работ Л.В. Милова наиболее продуктивным подходом к изучению писцовых данных является использование методов количественного анализа, о чем говорят публикации последних лет [2–4, 8, 9, 11–16]. На наш взгляд, наибольший интерес представляет корреляционный анализ, причем наиболее примечательны и важны «перекрестные» коэффициенты, показывающие, например, степень взаимосвязи между количеством обработанной земли и количеством дворов.

По классификации Л.В. Милова, писцовая книга Нижегородского уезда 1623–1624 гг. относится к оптимальному варианту, т.е. она содержит отдельные данные о крестьянской и о владельческой пашне. Насколько позволяют судить результаты корреляционного анализа, земельная статистика писцовой книги Нижегородского уезда отличается очень высокой степенью точности. Так, коэффициент корреляции между общим количеством крестьянских, бобыльских, людских и «приказчиковых» дворов, с одной стороны, и общей площадью «пашни паханой» (крестьянской и владельческой) – с другой, составил 0,92 (данные брались на уровне итогов по каждой даче). Это едва ли не самый высокий среди аналогичных показателей, известных в соответствующей историографии – в большинстве случаев исследователям

³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 292, 293. [Подлинник]; ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602А. Кн. 4. [Список 1763 г.].

приходится довольствоваться коэффициентам в диапазоне 0,5 – 0,7, объясняя их противоречивыми подходами писцов к учету земли и высокой степенью разорения территории.

То, что подобные коэффициенты вообще возможно получить на писцовом материале, конечно, исключительно важно с источниковедческой точки зрения, поскольку позволяет более оптимистично смотреть на проблему достоверности данных валового письма в целом. Видимо, можно утверждать, что «пашня паханая» нижегородской писцовой книги – это действительно реальная запашка. Реалистичность писцовых сведений о земле подтверждает и коэффициент корреляции между общим количеством крестьянских и прочих дворов, с одной стороны, и общей площадью «четвертной пашни», с другой: 0,71. Группировка этих данных представлена ниже.

Таблица 1

**Крестьянская запашка в поместьях и светских вотчинах
Нижегородского у. в 1620-е гг. (в среднем на двор во владении)
величина запашки доля владений**

величина запашки	доля владений (%)
нет крестьянской пашни	6,6
от 1 до 2 четей в поле	30,4
от 2 до 2,5 четей в поле	42,5
от 2,6 до 3 четей в поле	16,9
более 3 четей в поле	3,6
всего	100
в среднем (четей в поле)	2,05

Таблица 2

**Владельческая запашка в поместьях и светских вотчинах
Нижегородского у. в 1620-е гг. (в среднем на двор во владении)
величина запашки доля владений**

величина запашки	доля владений (%)
не более 1 чети	4,1
от 1 до 2 четей в поле	26,8
от 2 до 2,5 четей в поле	20,4
от 2,6 до 3 четей в поле	12,2
более 3 четей в поле	36,5
всего	100
в среднем (четей в поле)	3,4

Данные таблиц показывают достаточно реалистичные размеры крестьянской и владельческой запашки по сведениям нижегородской писцовой книги: в общем они укладываются в интервал 4–6 дес. в трех полях, который признавался наиболее вероятной оптимальной

величиной распашки на тягло ведущими специалистами на основе анализа данных второй половины XVIII в. (Н.Л. Рубинштейн, Л.В. Милов, Ю.А. Тихонов [7, 10]). При этом хорошо видно, что господская запашка в целом была больше по размеру и гораздо чаще достигала максимальных для этого периода значений в 3 и более чети в поле на двор. Лишь в трети владений, как видно из следующей таблицы, крестьянская пашня превосходила владельческую.

Таблица 3

Соотношение владельческой и крестьянской запашки в поместьях и светских вотчинах Нижегородского у. в 1620-е гг. (в среднем на двор во владении) четей владельческой пашни на 1 четь крестьянской доля владений

четей владельческой пашни на 1 четь крестьянской	доля владений
менее 1	33,5
от 1 до 1,5	30,9
от 1,6 до 2	15,4
от 2,1 до 3	13,1
более 3	7,1
всего	100
в среднем (четей в поле)	1,5

Одной из наиболее ярких особенностей массива данных писцовой книги Нижегородского уезда являются исключительно высокие показатели «пашни, паханной наездом». Соотношение «пашни паханой» и «пашни, паханной наездом» было практически 1 к 1 (на примерно 14,6 тыс. четей в поле пашни паханой приходится 13,8 тыс. четей в поле наезжей пашни). Для сравнения, в соседнем Суздальском уезде на 55,5 тыс. четей в поле пашни паханой приходилось всего 225 четей в поле наезжей пашни. В сильно разоренном Алексинском уезде, где примерно 30 % дворов стояли пустыми, а «пашня паханая» составляла всего около 10 % от всей «четвертной земли», доля наезжей пашни была всего 1 % [13]. Аномально высокие показатели наезжей пашни в более благополучном Нижегородском уезде говорят о том, что здесь они могли нести некую фискальную функцию.

Схожие явления видны и по описаниям других уездов. Так, текст наказа писцам, описывавшим Суздальский уезд в 1628–1630 гг., содержит ясное указание тщательно проверять площадь и состав земельных угодий у владельца, а также прямое и настойчивое требование наказа переводить перелог в «пашню паханую»: «А где будет пашня перелогом лежит, а запустела будет от тех помещиков, за которыми те поместные переложные земли, и писцом тем помещиком переложную землю давати в пашен место против пашенные земли, потому что от них запустело. И будет не от них запустело, и писцом, сыскав накрепко, переложную землю, где добре пашня заросла, земля не добра,

в пашни место перелогу давати перед лутчими землями в полтора, а где будет добре худа земля, ино в двое, посмотри по пашне и по всяким угодыам, как будет пригоже. А однолично переложная земля примеривать к живущему, чтоб переложная земля меж пашенных земель невспахана не была и перелогом бы не лежало» [1, 2]. Как видим, особенное внимание здесь уделено случаям, когда запустение поместий произошло по вине помещиков («от них запустело» то есть, если они выводили своих крестьян из поместных дач в вотчинные). Следовательно, данные о «четвертной земле» даже и после введения «дворовой чети» продолжали нести некую вспомогательную фискальную нагрузку, выполняя по отношению к землевладельцу роль санкции или принудительного стимула.

Что это означает применительно к нашим данным? Видимо, в Нижегородском уезде писцы не деформировали сознательно данные о пашне паханой, переводя в нее перелог, как это было в Суздальском уезде. Но, скорее всего, они делали нечто подобное применительно к наезжей пашне, рассматривая ее как некую «буферную зону» между «живущим» и «пустым» в категориях поземельного обложения.

То, что показатели наезжей пашни увеличены писцами искусственно, доказывается тем, что величина наезжей пашни не коррелирует ни с количеством крестьянских дворов, ни с количеством собственно «пашни паханой», хотя, как мы помним, земельная статистика книги довольно качественная. Единственная выявленная закономерность заключается в том, что чем больше площадь владения в целом, тем больше в нем будет указана величина наезжей пашни ($r=0,77$). Можно предположить, что в наезжую пашню была включена какая-то часть «пашни паханой» и «перелогом и лесом поросшей пашни». Даже если какая-то часть этой земли распахивалась, в категориях поземельного налогообложения это означало бы сокращение «живущего» и величины налога. То, что эти земли распахивались нерегулярно, подтверждается практически обязательным указанием писцов на то, что наезжую пашню «пашут сторонние люди из найму». Примечательно и то, что в экономически более слабых поместьях показатели наезжей пашни значительно выше, чем в немногочисленных вотчинах.

Таблица 4

**Показатели «пашни, паханой наездом»
в сравнении с другими показателями светских дач**

	доля наезжей пашни в общей площади четвертной земли (%)	наезжей пашни на двор (четей в поле)	соотношение «пашня паханая»/ «пашня, паханая наездом»	соотношение «перелогом и лесом поросшая пашня»/ «пашня, паханая наездом»
вотчины	10,7	2,0	3,8	2,8
поместья	26,7	7,2	1,2	2,2

В целом это означает непригодность данных о наезжей пашне в данной книге, выяснить реальное наполнение этого показателя на данный момент не представляется возможным. Пока можно лишь констатировать, что он носит комбинированный характер.

Таким образом, анализ нижегородской писцовой книги показывает, что, во-первых, достаточно точный учет земли в книгах валового письма был вполне возможен и после введения дворовой четверти. Во-вторых, мы видим инерцию применения принципов поземельного обложения, поскольку только этим можно объяснить признаки явно-го манипулирования писцами сведениями о четвертной пашне различных типов, которые после реформы потеряли всякий практический фискальный смысл. Во-третьих, методами корреляционного анализа эти манипуляции вполне выявляемы и, в общем, «нейтрализуемы». Сами же эти действия писцов говорят об их достаточно серьезном отношении к поземельному учету и после реформы налогообложения.

Литература

1. *Веселовский С.Б.* Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Т. 2. СПб., 1913.
2. *Дмитриева З.В., Черкасова М.С.* Конференция по изучению писцовых книг – 25 лет. Российская история. 2014. № 1. С. 211–219.
3. *Камараули Е.В.* Эксплуатация природных ресурсов на южных окраинах Российского государства в XVII веке // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2013. № 2. С. 114–117.
4. *Кузнецов В.И.* Из истории феодального землевладения России (по материалам Коломенского уезда). М., 1993.
5. *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времени смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890.
6. *Милов Л.В., Булгаков М.Б. Гарскова И.М.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Историография. Компьютер. Методы исследования. М., 1986.
7. *Рубинштейн Н.Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957.
8. *Степанова Л.Г.* Миграционно-колонизационные процессы на Северо-Западе России в XV–XVI вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год. М.; Брянск, 2012. С. 51–61.
9. *Степанова Л.Г.* Реконструкция освоенности земельных угодий на основании данных Генерального межевания и писцовых книг // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2013. № 3. 345–350.
10. *Тихонов Ю.А.* Дворянская усадьба и крестьянский двор в России XVII и XVIII веков: сосуществование и противостояние. М., 2005.

11. *Хитров Д.А.* К вопросу об эволюции феодального владения в Центральном Нечерноземье в XVII–XVIII вв. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2004. № 1. С. 79–101.

12. *Черненко Д.А.* К характеристике сельских поселений центральных районов России первой трети XVII в. (по материалам писцовых книг) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2004. № 1. С. 51–66.

13. *Черненко Д.А.* Хозяйственно Землевладение и хозяйственно-демографические процессы в Центральной России XVII – XVIII вв. Вологда, 2008.

14. *Чеченков П.В., Черненко Д.А.* Персональный состав служилых землевладельцев Нижегородского уезда по материалам писцового описания 1620-х гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год. М.; Брянск, 2012. С. 129–148.

15. *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины России во второй половине XVII века. М., 1996.

16. *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины России в первой трети XVII в. М., 1990.